

ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННЫХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ РУССКИХ И МОРДВЫ (на фольклорном материале, собранном в Республике Мордовия)

М. А. ТРОСТИНА,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

К мифологическим рассказам в фольклористике относятся «устные народные повествования о фантастических событиях» [7, 3]. Как правило, такие события связаны с мифологическими персонажами, в число которых входят представители «низшей демонологии» (банники, овииники, полевики, домовые и т. д.), люди, обладающие сверхъестественными способностями (ведьмы, колдуны, оборотни), выходцы с «того света» (покойники и мертвецы).

Рассказы разных народов о мифических существах, основанные на суеверных представлениях, отличаются друг от друга деталями, локальными особенностями, асортиментом образов, конкретным набором сюжетов, но не жанровыми свойствами. Описание обстановки, пейзажа, упоминание бытовых предметов придают таким рассказам национальный колорит, в то же время они даже в большей степени, чем сказки, интернациональны по своему характеру. Так, Э. В. Померанцева утверждает, что «южнославянские рассказы, русские былички и бывальщины, эстонские предания, мордовские сказки о хозяине или хозяйке леса отличаются друг от друга обрисовкой и характером основного персонажа и вместе с тем глубоко родственны друг другу в силу типологической общности самого жанра – мифологического рассказа, суеверного мемората или фабулата» [4, 26]. Вместе с тем «близость друг к другу, даже общность демонических образов, живущих в представлении раз-

ных народов, не лишает их национального своеобразия: каждый из этих образов имеет свои особые черты, рассказы о нем отражают жизнь и быт того или другого народа», – указывает исследователь [4, 32].

Особенностью народного мифологического рассказа, бытующего на территории Мордовии, является то, что он наряду с другими фольклорными жанрами развивается под влиянием как общенациональных, так и регионально-локальных традиций. Процессы взаимодействия и взаимовлияния культур двух братских народов начались в древности и продолжают по настоящее время. Обратившись к исследованию образной системы современных быличек, мы можем в этом убедиться воочию.

По мысли В. Я. Проппа, фольклор «есть явление интернациональное, оно не может быть исследовано глубоко в рамках одной народности. Наложение друг на друга исходных моделей этнографических субстратов разных народов дает возможность с помощью одних систем заполнить “белые пятна” в других» [5, 33]. Сравнение аналогичных образов русской и мордовской быличек позволяет выявить пути взаимопроникновения и взаимовлияния фольклорных традиций двух народов, населяющих общую территорию.

Сам термин «быличка» вошел в научный обиход мордовских фольклористов сравнительно недавно – в начале 1980-х гг. [3, 153]. До этого ученые не выделяли былички

в особый жанр, рассматривая как разновидность волшебной-фантастической сказки [2].

Былички и бывальщины связаны с мифологическими представлениями народа. В частности, у мордвы хорошо прослеживается связь с древними верованиями и с христианскими, привнесенными позднее, уже в XVII–XIX вв. Такое напластовывание религиозных воззрений привело к дуалистичности ряда мифологических образов. В суеверных рассказах мордвы и русских на равных правах существуют Вирявы и лешие, Ведявы и русалки, Юртавы, Кудавы (Кудати), Куйгорыши (Куйгорожи) и домовые. Причем функции парных персонажей в одном случае могут совпадать, в другом – иметь некоторые разнотолкования. Например, Вирява (мать леса), по суеверным представлениям мордвы, – хозяйка леса, в древности – божество, которому приносили жертвы. Т. П. Девяткина в «Мифологии мордвы» обобщает народные представления о покровительнице леса: «В каждом лесу есть своя Вирява. Людям показывается редко, обычно в 12 часов дня или перед заходом солнца. Внешнее описание неоднородно. В лесу Вирява – женщина высокого роста (с дерево), по полю идет – со жнивом, с длинными ниже пояса темными волосами, тонкая, с большими, свисающими до колен или переброшенными через плечи грудями. Иногда ее представляют лежащей ничком руками на одном берегу, ногами – на другом или с одной ногой, но не хромают» [1, 99].

Смотрю, от одного берега до другого лежит ничком женщина. Ноги ее на этом берегу, руками оперлась о другой берег. Сажени три длина ее. Серьги почти на три четверти длиной. Рубашку мне не пришлось заметить, не знаю шушпан, не знаю рубашка... [6, 140].

Вот какой предстает Вирява в рассказе о том, как ее поймали жители деревни: *Кожа на ней покрыта рыбьей чешуей, будто чешуя белуги; глаз один, и тот на макушке, рот как у человека, зубы большие, похожи на зубья бороны; волосы по плечам распущены – в разные стороны [6, 153].*

В ряде случаев она описывается как высокая женщина с распущенными до пят волосами, в белой одежде или в националь-

ном наряде (иногда обнаженная). Нередко Вирява выступает в роли причитывающей невесты: *На поляне, на дубовом пне, сидит невеста, а сама плачет. Одета она в мордовскую одежду. Так причитывает, что весь лес звенит [6, 139].*

В других рассказах Вирява – лесное существо, покрытое шерстью (подобно лешему); она живет в жилищах из гнилых деревьев и веток, имеет мужа и многочисленных детей. Подобная трансформация образа богини леса произошла, очевидно, под влиянием соответствующего персонажа русской былички, в которой леший представляется лохматым, заросшим шерстью звероподобным существом.

В быличках и бывальщинах, как и в большинстве сказок, Вирява – отрицательный персонаж, способный на любые недобрые дела. Как и леший, она может усыпить человека, навести на него болезнь, запутать в лесу, и в этом случае надо ее молить, чтобы помогла выбраться.

В бытующих на территории Мордовии быличках о лешем хозяин леса также представлен неоднозначно. Как и Вирява, он охраняет лесные богатства:

У меня бабка с лешим встречалась. Она у меня весь год в лесу пропадает. Зимой ей за дровами надо, осенью за грибами, летом за ягодами, ну, короче, пропадает...

И вот все время в один овраг. А туда все ходят. В лесу овраг есть. Ну, вот она пришла, сидит там, уж не знаю, че там. И слышит голос такой: «Ты че сюда пришла, а»? Злобно так. Она раз-раз оглядывается – никого и нет. Ну, думает, эт кто же так, кто так шутит что ль. Ну, метров 15 глубина, не знаю, кто там может прям под ухо крикнуть, а потом взлететь что ли и спрятаться... ну, она думает, кто пошутил. А тут опять: «Нет, я не понял, ты че приперлась? Давай отсюда быстро! Поняла?» И мужик такой лохматый, как медведь, стоит. Ну, бабка тут киданула все, что было, и как молодая наверх взлетела и домой. И большие в лес ее не затащишь. Ходит, может, рядышком, а внутрь – ни ногой (с. Кочкуши, Чамзинский район).

Лешему доставляет огромное удовольствие попугать человека, заблудить его:

Мужик работал в городе в Ардатове и ходил тоже зимой через лес, и метель была такая, буран и все, в материнной шали закутался, мороз был. И вот, говорит, сзади меня кто-то идет: «Ха-ха-ха-ха!» Я, говорит, иду, не оглядываюсь. Опять: «Ха-ха-ха-ха!» И потом над ухом прям. Я, говорит, говорю: «Посмейся, посмейся». Это все вот он рассказывал. Если бы, говорит, я оглянулся, разрыв сердца, говорит, бы был (с. Редкодубье, Ардаатовский район).

Встреча с лешим, как и с Вирявой, не предвещает ничего хорошего, однако от них можно избавиться. Согласно поверью, от лешего человек спасется с помощью молитвенного слова, матерной ругани, а также если выстрелит в него медной пуговицей, хлебным мякишем или уколёт иглой в пятку. Вирява же боится собаки, кнута и кошки, и ее можно обмануть. Кроме того, Вирява – «большая любительница сказок и до того заслушивается, что забывает об охране своего хозяйства, зверей, птиц, и даже засыпает. Этой слабостью пользовались охотники. Один охотник обычно рассказывал сказки у костра, а другие в это время охотились» [1, 100–101].

Из числа образов низшей мифологии наиболее стабильным и живучим выступает дух-покровитель домашнего очага. В быличках о духах дома, записанных на территории Мордовии, уживаются Юртавы, Кудавы, Куйгорожи и домовые, причем функции их в основном одни и те же: забота о порядке в доме и на скотном дворе, наказание нерадивых обитателей жилища, охрана дома от непрошенных гостей.

В мордовской быличке домашний дух – чаще женского пола. Кудавы – покровительница дома, семьи. По народным представлениям, в каждом доме есть своя Кудавы. Она небольшого роста, с длинными светлыми волосами, молодая, иногда похожа на хозяйку. Нередко Кудавы показывается в национальной одежде. У Кудавы могут быть дети и муж (Кудатя). Живут они в подполе.

При переезде в новый дом Кудавы зовут с собой. В противном случае она может прийти сама и навлечь неприятности. По традиции в новом доме делали и делают для Кудавы «од кудонь поза» (брагу нового дома), пекут блины, хлеба. Если не соблюсти дан-

ный ритуал, то Кудавы останется без еды, питья и будет упрекать хозяев до тех пор, пока не сгниет дом [1, 100–101]. Русского домового, переходя на новое место жительства, тоже приглашают с собой (это можно объяснить тем, что домовые и Кудавы тесно связаны не только с домом как строением, но и с семьей). Если же его не вызвать, то он останется на развалинах и будет пугать по ночам своим криком и плачем [4, 97].

Новую Кудаву (в каждом новом доме до заселения уже живет Кудавы) выпроваживают. Если оставить обеих, начнутся ссоры, неудачи, беды, так как две Кудавы не могут жить вместе. Домовые также «иногда ссорятся и даже дерутся, чаще всего из-за корма, который воруют у чужой и носят своей скотине. Домовой водит знакомство, а иногда воюет не только с банниками и овинниками, но и с лесовиками и полевиками» [4, 100].

Видеть Кудаву считается не к добру, чего не скажешь о домовом. Наряду с добром Кудавы может делать зло. «Боязнь разгневать Кудаву выразилась в повсеместном бытовании табу на расплетание заплетенных Кудавой волос человека (может умертвить). Информанты сообщили, что некоторые чувствовали, как Кудавы заплетает холодными руками косу. <...> В случае, если не шел в дело домашний скот (особенно лошади, коровы), это связывали иногда с недоброжелательным отношением Кудавы к хозяевам или же с тем, что ей не нравилась масть животного» [4, 133]. Домовой же плохо относиться может только к нерадивым, недружным семьям. Такое отношение объясняется его основным качеством – он хозяин. И к себе он требует соответствующего отношения, соблюдения устоявшегося ритуала:

Когда человек входит в новый дом, он должен первого пустить кошку... И если суждено произойти, если случится беда, и пусть беда на ней и стрясется... После кошки можно смело заходить с иконой и хлебом-солью. Домой заходить лучше ночью. Когда жители зашли домой, то в избу они должны поставить икону, а еще отрезают один сукрой от караваев хлеба и кладут его под печку. Это все делается для домового. Домового не всякий решится произносить вслух. Все боялись оскорбить

и сделать плохое ему. Также домового никто не видел. Это потому, что нельзя увидеть его, с ним также нельзя говорить... Плачет и охает он к горю, а к радости скачет, песни играет, смеется. Домовой любит такие семьи, которые живут хорошо, в тепле, в чистоте держат свой двор (с. Симкино, Большеберезниковский район).

В современном устном репертуаре русских и мордвы распространены рассказы о том, как домовая вещует, т. е. стуком и стоном предвещает смерть хозяина, как он плачет, стонет, предсказывая беду, или крикает к добру. Этим свойством обладает и Кудава.

Если достоверность рассказов о домашних и природных духах в связи с развитием научного знания, а также с изменением быта и традиционной системы ценностей в последние годы подвергается самими же информаторами сомнению, то суеверные рассказы о представителях нечистой силы, связанных непосредственно с миром людей (мертвецах, призраках, утопленниках, ведьмах и колдунах), воспринимаются в основном как случившееся в действительности. В подтверждение тому рассказчики приводят своеобразные «вещественные доказательства»: имена конкретных людей, которые погибли в результате такой встречи или получили физические увечья, проклятые дома и т. д.

Особое место в современном устном репертуаре мордвы и русского населения Мордовии занимают рассказы об умерших родственниках – «родных покойниках». Связано это прежде всего с культом умерших предков, имеющим глубокие мифологические корни. «Родные покойники» являются с «того света» с целью уберечь членов своей семьи от какого-либо несчастья, дать совет, оказать помощь:

Когда умерла моя мать, я легла с детьми спать и подумала: «Когда-никогда, а умереть надо, все равно на том свете ничего нет!» Сплю я ночью и чувствую, будто бы подходит ко мне мать и говорит: «Все, дочка, есть, и тот свет есть. Мы с вами, только вы нас не видите!» Похлопала меня по плечу и ушла. Я вскочила с постели, а матери нигде нет (с. Темяшево, Старошайговский район).

Часто покойный и сам просит помощи, особенно в том случае, когда его душа не может успокоиться по причине чрезмерного страдания близких, нарушения ими определенных запретов, морально-этических норм:

Мать у меня когда померла, я плакала и день и ночь, и не спится мне, и никак не спится моя мать. Да после я говорю: «Да что это! Людям снится, а мне не снится!» И легла, лето, июль месяц, в терраску легла, а мальчишке-то моему тогда 12 лет было, он в избе спит. И слышу: кто-то заходит. Я говорю: «Наверное, какая-то девчонка заходит из клуба, открывает терраску». Смотрю – мать идет, и как меня цапнула. Верите: рука холоднее льда. Как я закричала, я думала, все двери с петель слетят. Я утром корову подоила, пошла гнать в стадо, а бабушка, соседка, говорит: «Валь, а чего у тебя рука-то вся синяя?» Я: «Батюшки!» Как поглядела, ничего не сказала. И вот коров проводили, сели мы с ней, я говорю, вот так и так... «Больше не плачь, – она все, – больше не плачь!» А рука черная прям была (с. Отрадное, Чамзинский район).

До сорока дней покойный дает о себе знать преимущественно с помощью звуков, движения ветра (душа летает), перемещения предметов, но может и появиться сам, особенно если гроб с телом еще находится дома (поднимается из гроба):

Вот что расскажу я вам, покойников-то не всем ведь слышать дано. Умер тут у нас в деревне дед, я читать пошла, как всегда. И вот читаю я, а время-то уж где-то первый час ночи. Все остальные девчонки решили у меня канты взять переписать, понравилось им, и сидят за столом и пишут. А напротив меня девочка сидит, внучка его, у нее еще мать слепая. Сидит и слушает, как я бубню. Окно у нас открыто было... И вдруг, слышу я из окна свист такой, тихий-тихий... Девчонка тут как вздрогнет и на меня смотрит, я подумала и, чтоб ее не напугать, говорю: «Ну, вот и дед наш ушел...» А те, что за столом сидели, ни одна не слышала, только я да девочка эта. Вот как (с. Козловка, Атяшевский район).

Распространены также сюжеты о появлении в образе покойника нечистого духа.

Это происходит в том случае, когда родные (дочь, мать, вдова и т. д.) долго тоскуют по умершему, зовут его, плачут. Главное в этой ситуации – вовремя распознать оборотня по отличительным признакам (хвосту, шерсти, отсутствию тени или креста на шее) и суметь изгнать его из дома:

Я слышала от мамы. Вот женщина, у нее муж, или дочь, или еще там кто-то умер, и она очень тосковала. И к ней вроде летал черт не черт, муж не муж там, а кто. В 12 часов ночи прилетает к ней... с хвостиком – и в трубу. И она дома его угощала, ставила все на стол. А утром вставала, ничего нет, как только какашки какие-то. Вот это я слышала. Но говорили, что видели, как к ней в трубу летает. Ну ее спрашивала. Она говорит, что летает к ней дочь или кто-то... (с. Редкодубье, Ардатовский район).

В современном устном репертуаре продолжает свое активное бытование быличка о ведьмах и колдунах. Между этими персонажами граница почти неразличима. Мужской и женский персонажи обладают в основном одними и теми же функциями, и гендерная специализация проявляется лишь частично.

Ведьмы и колдуны, как правило, живут в селах в непосредственном соседстве с другими жителями: *Колдунья была у нас, вот там жила, где колодец, пятистенный дом* (с. Большие Мордовские Пошаты, Ельниковский район); *Жила в нашем селе страшная-страшная женщина* (с. Козловка, Атяшевский район); *Как-то жил в деревне Верякуши один колдун* (д. Гавриловка, Старошайговский район). Как правило, о сверхъестественных способностях таких людей в селе знают, их опасаются, применяя различные способы охраны себя и жилища, наиболее распространенным среди которых выступает втыкание колючих предметов, чаще всего ножа, над входной дверью, ношение нательного креста, лада-на, махорки в кармане («ведьме в глаза бросить») и т. д. Былички рассказывают о том, какое пагубное воздействие на колдунов оказывают такие предметы:

Когда она зашла, та женщина, на которую думали, воткнули булавку в дверь. И вот верите, нет, я никогда этого не виде-

ла. Она как начала беситься! Она ни в кого не превратилась. Она так вот. У нее глаза вот сделались, как вот у бешеной собаки, искры из глаз вот вылетают. Она везде, как раскосматилась, везде лезет. Ей надо куда-то вылезти. Она никак никуда не вылезет (с. Редкодубье, Ардатовский район).

Повествуется в быличках и о способности ведьмы обращаться в животное, чаще всего в кошку, свинью, реже в лошадь или собаку. Такое животное свободно появляется на улице, его видят люди. Как правило, рассказ сообщает о последующем разоблачении колдуна или предлагает способы избавления от него. Образы и сюжеты мордовских и русских быличек о ведьмах и колдунах не имеют существенных различий.

В данной статье рассмотрены отдельные персонажи мифологических рассказов, бытующих в наши дни на территории Мордовии. Анализ собранного материала позволяет сделать вывод об активном продуцировании жанра былички на современном этапе и о необходимости его всестороннего исследования, поскольку суеверные рассказы русских и мордвы интересны как источник для понимания былого мировоззрения мордовского народа, как материал для изучения природы осознанного и неосознанного творчества, рождения и трансформации образов.

Поступила 10.06.2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Девяткина, Т. П.* Мифология мордвы / Т. П. Девяткина. – Саранск : Тип. «Крас. Окт.», 1998. – 333 с.
2. *Маскаев, А. И.* Мордовская народная сказка / А. И. Маскаев. – Саранск : Мордов. гос. изд-во, 1947. – 185 с.
3. *Мордовское* устное народное творчество : учеб. пособие. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1987. – 288 с.
4. *Померанцева, Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре / Э. В. Померанцева. – М. : Наука, 1975. – 190 с.
5. *Пропт, В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропт. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 364 с.
6. *Устно-поэтическое* творчество мордовского народа. Т. 10. Легенды, предания, былички. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1983. – 256 с.
7. *Черепанова, О. А.* Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / О. А. Черепанова. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. – 209 с.